

Горелик Полина Леонидовна

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ "ИКОНОТЕКСТ"

Статья раскрывает содержание понятия "иконотекст" и историю его происхождения. Автор также выделяет теоретические основы его изучения, предлагая направления полисемиотичности и интертекстуальности в качестве предшественников теории иконотекста, описывает уникальные свойства иконотекста как синкретической семиотической системы и основные проблемы его исследования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 63-68. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 190 с.
2. Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика [Электронный ресурс]. М., 2005. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/lasuel_psi/ (дата обращения: 20.09.2012).
3. Непряхин Н. Ю. Основы эффективной коммуникации [Электронный ресурс]. URL: http://www.oratorica.ru/news/articles/osnovy_effektivnoy_kommunikacii (дата обращения: 22.09.2012).
4. Стернин И. А. Деловое общение: учеб. пособие. Воронеж: Родная речь, 2009. 184 с.
5. Стернин И. А. Основы речевого воздействия: учеб. издание. Воронеж: Истоки, 2009. 178 с.
6. Фитье Е. Принципы и законы эффективной коммуникации [Электронный ресурс]. URL: http://www.fabrikacom.com.ua/publ/principy_i_zakony_ehffektivnoj_kommunikacii/1-1-0-46 (дата обращения: 25.09.2012).
7. Фитье Е. Эффективная коммуникация [Электронный ресурс]. URL: http://www.fabrikacom.com.ua/publ/ehffektivnaja_kommunikacija/1-1-0-45 (дата обращения: 25.09.2012).
8. Якобсон Р. О. Речевая коммуникация. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 306-330.

ON QUESTION OF VERBAL COMMUNICATION EFFECTIVENESS RESEARCHES
(TERMINOLOGICAL ASPECT)

Ekaterina Yur'evna Goncharuk
Department of Russian Language
Vladivostok State University of Economics and Service
Ekaterina.Goncharuk@vvsu.ru

The author considers the basic models of communication, its structure and elements, as well as the interferences and barriers arising in the process of communication, and pays special attention to the notions "effective communication" and "ineffective communication" in order to reveal their basic content and define them.

Key words and phrases: communication; effective communication; ineffective communication; stages of communication; communication barriers.

УДК 81.23

Филологические науки

В последнее время в русском языке определение рода у некоторых групп слов вызывает трудности. В статье на примере одной из таких групп, слов-«феминизмов», посредством психолингвистического эксперимента, рассмотрен путь решения сложившейся проблемы, а также проведён сравнительный анализ результатов эксперимента с материалами толковых словарей русского языка.

Ключевые слова и фразы: слова-«феминизмы»; существительные общего рода; существительные женского рода; существительные мужского рода; психолингвистический эксперимент.

Оксана Юрьевна Горбацкая

Кафедра русского языка как иностранного
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
oxanagorbazkay@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОДА СЛОВ-«ФЕМИНИЗМОВ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ[©]

«Феминизмами» [1, с. 73], или словами с «переносным значением лица» [8, с. 151], или «существительными женского рода в их окказиональном (индивидуально-метафорическом) употреблении по отношению к лицам мужского пола» [6, с. 29], «словами-характеристиками» [7, с. 287] в русском языке лингвисты называют слова женского рода, употребляемые по отношению к лицам мужского пола: *Он баба*. Несомненно, существительное *баба* вне данного предложения, является существительным женского рода, однако возникает вопрос, к какому роду следует относить это слово в указанном примере: к женскому или к мужскому.

В Русской грамматике 1980 г. [9] и в Русской грамматике под редакцией Н. Ю. Шведовой 1990 г. [8] можно увидеть изменения, произошедшие со словами-«феминизмами» при употреблении их по отношению к лицам мужского пола. В Русской грамматике 1980 г. говорится только о синтаксическом сочетании существительных женского рода, использующихся для названия лиц мужского пола, которые роднят эту группу с существительными общего рода [9, с. 468]. В Русской грамматике 1990 г. выдвигается предположение, что эти слова «приобретают или уже приобрели свойства слов общего рода» [8, с. 151].

Нужно отметить, что «именами существительными общего рода (т.е. мужского и женского) являются существительные на -а(-я) со значением лица, употребляемые преимущественно в разговорной речи и просторечии, которые, в зависимости от употребления, могут быть отнесены к лицам или мужского, или женского пола», напр.: *настоящий ханжа* (когда говорят о мужчине) и *настоящая ханжа* (когда говорят о женщине) [3, с. 106].

Слова-«феминизмы» и существительные общего рода имеют сходные черты: окончание -а(-я), возможность называть лицо мужского пола, однако можно ли говорить о переходе этих слов в существительные общего рода?

Наблюдения о сходстве слов женского рода типа *баба, шляпа* (слов-«феминизмов»), употреблённых по отношению к лицу мужского пола, и существительных общего рода содержатся у В. В. Виноградова: «К границам <...> общего рода приближаются бранные обозначения мужчин, пренебрежительные или иронические клички, экспрессивные характеристики, вообще красочная вереница слов женского рода, метафорически или метонимически применяемых к человеку независимо от пола. Например: *шляпа, стерва, башка* (арго), *голова* (умная голова)...» [2, с. 74].

Таким образом, в работе исследователя чётко определена позиция родовой принадлежности слов типа *баба, шляпа*, однако оговаривается их близость с существительными общего рода.

И. П. Распопов и А. М. Ломов убеждены в том, что «существительные общего рода принципиально отличаются от существительных женского рода в их окказиональном (индивидуально-метафорическом) употреблении по отношению к лицам мужского пола <...>: Это не *руководитель, а старая шляпа; Он мокрая курица, старая баба* и т.п.» [6, с. 29]. В доказательство своей точки зрения исследователи ссылаются на тот факт, что слова типа *баба, шляпа*, употребляемые по отношению к лицам мужского пола, не могут «закономерно сочетаться с прилагательными как мужского, так и женского рода», подобно существительным общего рода (недопустимо сочетание: *Он мокрый курица, старый баба*) [Там же]. Аналогичной точки зрения придерживаются Л. И. Рахманова и В. Н. Суздальцева [7, с. 287-288], А. А. Брагина [1, с. 74].

Таким образом, к 90-м годам XX века выделились две точки зрения относительно рода слов типа *баба, шляпа*, употребляемых по отношению к лицам мужского пола: 1) такие слова не являются существительными общего рода; 2) такие слова «приобретают или уже приобрели свойства слов общего рода» [8, с. 151].

Существует ли вероятность перехода слов типа *баба, шляпа*, употребляемых в переносном значении по отношению к лицам мужского пола, в общий род? Примеры такого перехода были обнаружены в толковых словарях русского языка.

В «Словаре русского языка» (1985-1988 гг.) под редакцией А. П. Евгеньевой [10] слова *балаболка, заноза, пустьшика* в первом значении относятся к женскому роду, а во втором (переносном) – к общему; в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [5], помимо названных слов, были найдены *квашня, кикимора, прорва, размазня, тумба, шура, юла, язва*; в компьютерной версии «Большого толкового словаря русского языка» Т. Ф. Ефремовой 2006 года [4] – 72 слова.

На первый взгляд большая часть слов в словарях имеет признаки существительных общего рода: 1) окончание -а(-я), хотя в перечне есть существительные женского рода 3-его склонения, оканчивающиеся на -ь (лошадь); 2) наличие у слов эмоционально-экспрессивной характеристики, однако слова *опора, слава* в словаре не содержат никаких помет, указывающих на это.

В словарях есть слова-«феминизмы», которые в переносном значении относят к существительным общего рода. Известно, что при составлении толковых словарей авторы должны ориентироваться на современное состояние языка, фиксируя изменения, произошедшие в языке и закрепившиеся в нём. Можно сказать, что авторы словарей пытались следовать этому правилу. Однако можно предположить, что авторы словарей отразили собственную точку зрения на данное явление, оторванную от действительности.

Из вышесказанного видно, что на сегодняшний день назрела необходимость проверить, осуществился ли переход слов-«феминизмов» в существительные общего рода, или нет. Говорить об изменении рода у данной группы слов можно только в том случае, если это закрепилось в сознании носителя языка.

Чтобы проверить, к какому роду носители относят слова типа *баба, шляпа*, употребляемые по отношению к лицам в переносном значении, был проведён психолингвистический эксперимент «Определение рода слов типа *баба, шляпа*». Эксперимент проходил в форме анкетирования.

Материалом для эксперимента послужили 29 слов, отобранных из словарей: *амёба, балаболка, вонючка, гадюка, гнида, кляча, копилка, кувалда, лошадь, машина, могила, обуза, опора, пешка, пиявка, пробка, пышка, росомеха, руина, свинья, слава, спичка, тряпка, тумба, туша, холера, цапля, шура, штучка*.

Носители языка должны были действовать в соответствии со следующей инструкцией: «Подумайте и укажите, считаете ли Вы возможным употребление следующих слов в переносном значении по отношению к человеку? Если “да”:

- 1) дайте определение этого слова в переносном значении по отношению к человеку;
- 2) определите, к какому роду относятся эти слова в переносном значении: к мужскому роду (м.р.), к женскому роду (ж.р.) или к мужскому и женскому роду (м. и ж.).

В случае отрицательного ответа поставьте прочерк».

В качестве респондентов выступили студенты ФГБОУ ВПО «АГАО» (г. Бийск) в количестве 150 человек.

Результаты эксперимента обрабатывались в два этапа, во-первых, был проанализирован род слов, который указали информанты, во-вторых, проанализированы определения, которые они дали словам.

Результаты первой части эксперимента показали, что из 29 слов 11 большая часть информантов (>50 %) относит к существительным общего рода: *амёба* (78%), *вонючка* (59,3%), *могила* (63,3%), *обуза* (74,7%),

опора (69,3%), *пешка* (68,7%), *пиявка* (66%), *свинья* (80,7%), *спичка* (53,3%), *тряпка* (60,7%), *туша* (52,7%); 6 слов из списка: *балаболка* (50,7%), *гадюка* (61,3%), *кляча* (54%), *лошадь* (52%), *пышка* (76%), *штучка* (59,3%) - к существительным женского рода; 10 слов: *копилка* (76,6%), *кувалда* (73,4%), *машина* (58%), *пробка* (68,7%), *руина* (85,3%), *слава* (85,3%), *росомаха* (74%), *тумба* (58%), *холера* (70%), *шкура* (75,3%) – не считают словами, которые употребляются в переносном значении по отношению к лицу. Некоторые испытуемые относили предложенные слова к существительным мужского рода, однако показатели незначительные и не превышают 16%, хотя в слове *тряпка* этот показатель составил почти 30%.

Такие слова, как *гнида*, *цапля*, имеют показатели ниже 50% по каждой категории: слово *цапля* большая часть носителей языка (40,7%) относит к словам, которые не употребляются по отношению к человеку в переносном значении; слово *гнида* почти в равной степени относят к общему роду (40,7%) и к словам, которые не употребляются по отношению к человеку в переносном значении (37,3%).

Во второй части эксперимента респонденты должны были дать определения слов. К каждому слову были даны десятки различных определений, поэтому при анализе результатов рассматривались только часто встречающиеся (≥ 10 раз). Нужно отметить, что при этом условии не для всех слов можно было вычленить семантическое ядро. К таким словам относятся: *копилка*, *машина*, *росомаха*, *руина*, *слава*, *холера*, *шкура*. Из этого можно сделать вывод, что информанты не воспринимают их как слова, которые в переносном значении употребляются по отношению к человеку.

В остальных словах были вычленены семантические ядра, которые сравнивались с определениями, данными в словарях. На основе такого сравнения были выделены следующие группы слов.

1) Группа, в которой прослеживается совпадение определений: *балаболка*, *гадюка*, *могила*, *пробка*, *спичка*, *тряпка*, *туша*, *цапля*. Например, в словарях *балаболка* - это тот, кто много болтает, пустослов, для носителей языка - человек, который очень много говорит, много разговаривает, болтливый, разговорчивый. К этой же группе можно отнести слова, в которых определения близки в синонимическом и коннотативном плане: *гнида*, *обуза*, *опора*, *пешка*.

2) Группа, в которой определения содержат общие черты, однако полностью не совпадают: словарные определения шире (*вонючка*, *пышка*, *свинья*, *туша*) или уже (*амёба*). Например, в словарях *вонючка* – это тот, кто издает дурной запах; тот, кто совершает низменные поступки; для информантов – плохо пахнущий человек.

3) Слова, определения которых не совпадают: *кляча*, *кувалда*, *пиявка*, *штучка*. Например, в словарях *кляча* – изнуренный, больной человек; для носителей языка *кляча* – медлительный человек.

Таким образом, анализ результатов первой части эксперимента показал, что далеко не все слова (только 11 из 29) информанты воспринимают как существительные общего рода, а анализ второй - только в 10 из 29 слов носители языка вкладывают то же значение, что и в словарях. Из этого следует, что в словарях отражается современная тенденция перехода слов-«феминизмов» в общий род, однако в этот процесс искусственно, а возможно, преждевременно, вовлекается целый ряд других лексических единиц.

Список литературы

1. Брагина А. А. Наблюдение над категорией рода в русском языке // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 68-78.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. школа, 1986. 640 с.
3. Грамматика русского языка: в 2-х т. / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. 1. Фонетика и морфология. 720 с.
4. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abbyu.ru/lingvo/> (дата обращения 26.05.2012).
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. 944 с.
6. Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. 350 с.
7. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. М.: Изд-во МГУ, 1997. 479 с.
8. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М.: Русский язык, 1990. 639 с.
9. Русская грамматика: фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология: в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
10. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988.

PROBLEM OF GENDER DEFINITION OF WORDS-“FEMINISMS” IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Oksana Yur'evna Gorbatskaya

Department of Russian Language as a Foreign One
Amur Classical-Pedagogical State University
oxanagorbazkay@mail.ru

The author mentions that nowadays there are some difficulties in the gender identification of some words groups in the Russian language, by the example of one of such groups, words-“feminisms”, and by means of psycholinguistic experiment considers the way of this problem resolution, and also conducts the comparative analysis of the experimental results with the materials of the Russian language explanatory dictionaries.

Key words and phrases: words-“feminisms”; common gender nouns; feminine gender nouns; masculine gender nouns; psycholinguistic experiment.

УДК 81'22

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «иконотекст» и историю его происхождения. Автор также выделяет теоретические основы его изучения, предлагая направления полисемиотичности и интертекстуальности в качестве предшественников теории иконотекста, описывает уникальные свойства иконотекста как синкретической семиотической системы и основные проблемы его исследования.

Ключевые слова и фразы: семиотика; иконотекст; полисемиотичность; интертекстуальность; синкретичные семиотические системы; взаимодействие текста и образа.

Полина Леонидовна Горелик, к. филол. н.

Кафедра иностранных языков с курсом латинского языка

Челябинская государственная медицинская академия

plg78@inbox.ru

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ИКОНОТЕКСТ»[©]

В самом общем смысле термин «иконотекст» обозначает произведение, в котором лингвистический и образный элементы представляются читателю как единое и неделимое целое. Это плод сотрудничества фотографа или художника с писателем.

В иконотексте происходит своеобразная семиотическая «игра», в которой автор может использовать поэтику письменности в ее образном, пластическом измерении (различные шрифты и идеограммы, иероглифы). Художник, в свою очередь, может использовать надписи внутри картины, играющие роль в образовании ее смысла. Эти приемы, использующие буквы алфавита в живописных целях и живопись в целях превращения ее в письменный текст, входят в понятие иконотекста, определенного М. Нерлихом как сосуществование двух способов выражения, каждый из которых сохраняет свою специфичность [9, p. 258]. Особенность иконотекста заключается в том, чтобы сохранять дистанцию между вербальным и зрительным элементами так, чтобы между ними создавалось напряжение, рождающее новые смыслы.

Изучением взаимодействия текста и зрительного образа ученые занимаются сравнительно недавно. В сферу их исследований попадают не только печатные произведения, но и другие синкретичные знаковые системы, такие как кинофильмы или театральные произведения. В современной научной литературе «гибридные» тексто-образные произведения получили названия иконотекстов.

Анализ семиотической и лингвистической литературы показал, что теоретическими предпосылками изучения взаимодействия лингвистической и визуальной систем можно считать семиотическую концепцию текста в широком смысле как последовательности любых знаков.

Работы, предвещающие изучение взаимодействия лингвистического и визуального кодов в рамках иконотекста, опирались на материал лингвистических источников. Понятие полисемиотичности, введенное Ю. М. Лотманом, можно считать теоретической основой изучения иконотекста. В интерпретации Ю. М. Лотмана текст предстает как «система разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение» [4, с. 17]. Полисемиотичность текста обусловлена тем, что он закодирован дважды (или многократно), то есть опирается не на одну и ту же, а как минимум на две языковые системы: «Один язык используется для описания ситуации, или кодирования сообщения, другой - для толкования этого сообщения» [5, с. 3-4].

Явление интертекстуальности - исключительно лингвистической природы, но его изучение также послужило основой для последующих теорий синкретических семиотических систем. Чтобы рассматривать взаимодействие текста и образа, необходимо предварительно описать взаимодействие «текста и текста» - предмета исследования интертекстуалистов.

По словам А. В. Снигирева, исходной для всех интертекстуалистов от Ю. Кристевой до Н. А. Кузьминой является бахтинская философия диалога [6, с. 10].

М. М. Бахтин впервые высказал идею о взаимодействии текстов в рамках одного контекста и реализовал свою теорию в понятии диалогичности как свойства всякого текста. «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом... только в точке этого контакта вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [3, с. 364].

Одним из видов текстового взаимодействия, по мнению ученого, является «чужая речь или чужое слово», которое мыслится говорящим как высказывание другого субъекта, первоначально совершенно самостоятельное, конструктивно законченное и лежащее вне данного контекста.

Межтекстовое взаимодействие в рамках одного произведения стало предметом специального изучения в культурологической школе Р. Барта - Ю. Кристевой, где названное явление получило обобщенное понятие «интертекста» и «интертекстуальности».

Обратимся к исследованиям уже собственно комплекса «текст + зрительный образ». Явление взаимодействия вербальной и визуальной систем было описано еще Ш. Балли: «Достаточно указать на самолет и одновременно произнести “смотрите”, чтобы самолет стал неотъемлемой частью предложения, а именно

объектным дополнением глагола» [1, с. 152]. Таким образом, изображения и слова в поликодовом сообщении не воспринимаются как механическая сумма знаков. Их содержания образуют сложно построенный смысл.

Иконотексты входят в понятие синкретизма, определенное в Толковом словаре семиотики А. Ж. Греймаса и Ж. Куртеса: «В более широком смысле синкретичными семиотическими системами будут считаться такие как опера или кинематограф, использующие для выражения смысла несколько языков» [7, р. 326].

Впервые слово «иконотекст» ввел немецкий ученый М. Нерлих в 1985 году [9]. Распространившись вначале в США и Великобритании, затем оно было заимствовано французским, испанским и другими языками романской группы и в настоящее время получило международное признание как лингвистический термин. Этот образный термин восходит к греческому *eikōn*, «образ» и латинскому *textus*, «текст».

По словам Р. Крюгер, специфика иконотекста заключается в том, что элементы двух знаковых систем интерпретируются читателями как принадлежащие к одному порядку или к одной парадигме [8, р. 51]. Выражая одну и ту же мысль, текст и зрительный образ сосуществуют в диалектическом единстве таким образом, что ни вербальная, ни визуальная части не могут существовать отдельно, не нарушив смысл сообщения.

Основываясь на цитированных выше характеристиках, мы предлагаем считать иконотекстом синкретичную семиотическую систему, состоящую из вербальной и визуальной систем.

Остановившись на этом определении термина, мы считаем необходимым также сформулировать основные проблемы его изучения, описать свойства иконотекста как уникальной синкретической системы.

Главный вопрос, интересующий исследователей иконотекстов, начиная с Ролана Барта (который первым сформулировал эту проблему), - это отношение текста и образа: «Избыточно ли изображение по отношению к тексту, дублирует ли оно информацию, содержащуюся в тексте, или же напротив, текст содержит дополнительную информацию, отсутствующую в изображении?» [2, с. 303]. Р. Барт отвечает на этот вопрос, вводя понятие двух функций текста по отношению к визуальному сообщению - функцию закрепления и функцию связывания. Функция закрепления заключается в том, что «текст останавливает плавающую цепочку означаемых» [Там же, с. 304], указывая, на какие означаемые обращать внимание, а какие игнорировать. На иконическом (по Барту, денотативном) уровне языковое сообщение способствует закреплению тех или иных денотативных смыслов. На иконографическом (коннотативном) уровне словесный текст управляет не опознаванием смыслов, а процессом интерпретации, задавая только общее направление пониманию.

Связующая функция текста встречается в том случае, когда текст и изображение находятся в отношениях взаимодополнения; они оказываются фрагментами более крупной синтагмы, так что единство сообщения достигается на некоем высшем уровне - на уровне сюжета, рассказываемой истории [Там же, с. 307].

Если словесный текст играет закрепляющую роль, то задачу информации берет на себя изображение, и наоборот. От преобладания той или иной функции зависит скорость восприятия информации: чем больше информации приходится на зрительный образ, тем быстрее и с меньшими усилиями эта информация воспринимается.

Итак, основная проблема изучения иконотекстов - это проблема отношения вербального текста и визуального образа. Почему вообще возникла проблема взаимодействия этих двух систем? Для ответа на этот вопрос необходимо остановиться на уникальных свойствах, присущих иконотексту.

Основное свойство иконотекста - свойство полусимволической системы, в которой значения элементов не даны заранее, а образуются из контекста. В иконотексте не существует единых правил присвоения значений, они функционируют по принципу: смысл каждого знака определяется не его словарным значением, а исходя из общего смысла иконотекста.

Между вербальным и визуальным элементами иконотекста не происходит смешения, но напряжение между ними, своеобразная внутренняя динамика привлекают внимание читателей. Жанр иконотекста порождает процессы множественных способов чтения, поскольку пространственная вариативность текста отличается от типографской прямолинейности, порождая иконотекстуальные эффекты, относящиеся к эффектам прочтения. Переключение внимания с одной системы на другую обуславливает множество механизмов переноса и заимствования одного способа чтения другим.

Специфика иконотекста как такового заключается в том, чтобы сохранять дистанцию между визуальными и вербальными знаками, дистанцию, которая создаст напряжение, динамику, противопоставляющие и накладывающие друг на друга обе знаковых системы, не смешивая их.

Список литературы

1. Балли Ш. Стилистика современного французского языка. М., 1976. 385 с.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 615 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
5. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992. 272 с.
6. Снигирев А. В. Интертекст: типология, включение и функционирование в художественном тексте (на материале романов М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», Ф. Сологуба «Мелкий бес» и С. Соколова «Палисандрия»): дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 181 с.
7. Greimas A. J., Courtés J. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. Paris: Hachette, 1993. 454 p.
8. Krüger R. L'écriture et la conquête de l'espace plastique: comment le texte est devenu l'image // Signe. Texte. Image / sous la direction d'Alain Montandon. Lyon: Césura Lyon Edition, 1989. P. 13-62.
9. Nerlich M. Qu'est-ce qu'un iconotexte? Réflexions sur le rapport texte-image dans «La femme se découvre» d'Eveline Sinnassamy // Iconotextes / ed. A. Montandon. Paris, 1990. P. 255-303.

TO DEFINITION OF NOTION “ICONIC TEXT”

Polina Leonidovna Gorelik, Ph. D. in Philology
Department of Foreign Languages with Latin Language Course
Chelyabinsk State Medical Academy
plg78@inbox.ru

The author reveals the content of the notion “iconic text” and the history of its origin, emphasizes the theoretical foundations of its study suggesting the directions of poly-semiotics and intertextuality as the precursors of iconic text theory, and also describes the unique properties of iconic text as a syncretic semiotic system and the main problems of its research.

Key words and phrases: semiotics; iconic text; poly-semiotics; intertextuality; syncretic semiotic system; interaction of text and image.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассмотрена проблема неоднозначной интерпретации графической окказиональности в современной лингвистике: определения статуса данного явления, его терминологической номинации, различные подходы к классификации. Графическая окказиональность исследуется лингвистами в ортологическом, стилистическом, словообразовательном аспектах. Фиксируются структурные типологии графической окказиональности, а также классификации с учетом характера производного и производящего.

Ключевые слова и фразы: графико-орфографические окказионализмы; графиксация; графические окказионализмы; графико-фонетические окказионализмы; окказиональность; псевдомотивация.

Елена Сергеевна Грищева, к. филол. н.

Кафедра стилистики русского языка и журналистики
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
wesnyanka@mail.ru

**К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ГРАФИЧЕСКОЙ ОККАЗИОНАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

В последнее время графическая окказиональность активно изучается лингвистами как яркое средство создания экспрессивности публицистического и художественного дискурса. Как средство формирования прагматики языка СМИ, в том числе рекламы, графические новации рассматриваются в работах Д. В. Гугунавы, Э. С. Денисовой, Е. А. Земской, В. П. Изотова, С. В. Ильясовой, Б. В. Кривенко, Т. В. Поповой, А. А. Пряхиной, Т. И. Суриковой, А. Р. Сухорукова и др., как средство номинации городских объектов – в работе Э. С. Денисовой, в качестве приметы идиостилия того или иного автора названное средство изучается Н. А. Николиной, Н. Г. Бабенко, О. Г. Артемовой и др. Графическая окказиональность изучается при этом в различных аспектах. В большинстве работ она исследуется в словообразовательном направлении, в том числе и как средство создания языковой игры (З. К. Беданокова, Е. А. Земская, С. В. Ильясова, Л. В. Кияшко, И. А. Нефляшева, О. П. Симутова, А. В. Стахеева, А. В. Страмной, Т. И. Сурикова, И. В. Цикушева и др.). При этом графиксация (графодеривация, графико-орфографический способ) как отдельный способ деривации признается не всеми. В. П. Изотов говорит о том, что «словообразовательные процессы, находящие свое выражение в графике, коренным образом отличаются не только от фонетических способов, но и от способов всех других уровней», что позволяет исследователю выделить графиксацию в отдельный способ словообразования, в котором в качестве деривационного оператора выступают графические и орфографические средства [5, с. 105]. Другие лингвисты утверждают, что графика является не самостоятельным способом словообразования, а показателем словообразовательных процессов, в частности контаминации и субституции (Д. В. Гугунава, Е. А. Земская, Э. С. Денисова, Г. А. Иванова, С. В. Ильясова, И. А. Нефляшева и др.). Вместе с тем большинство исследователей признает, что «графическое словообразование представляет собой особый тип функционирования языкового знака, характеризуемый специфическим механизмом осуществления – активным участием внешней структуры слова при его употреблении, актуализацией значимых формальных оппозиций слова...» [3, с. 509].

Графическая окказиональность рассматривается и в ортологическом аспекте как прецедент, нарушающий нормы орфографии, а потому вызывающий беспокойство со стороны лингвоэкологии (Е. Н. Вакулова, Т. М. Григорьева, С. В. Ильясова, Е. И. Литневская, С. В. Ляпун, З. Н. Пономарева и др.). Анализируются и потенции данного явления как особого стилистического приема, в этом случае факты